

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 323.12(470.67)

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-102-113

Территориальный фактор конфликтогенности политических отношений в Республике Дагестан

Илья Н. Тарасов

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград, Россия, I.Tarasov@kantiana.ru*

Абас А. Абдуллаев

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград, Россия, abas82@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена одному на первый взгляд малозаметному феномену разворачивания регионального политического процесса в Республике Дагестан – территориальности. Казалось бы, российским и зарубежным исследователям хорошо известна эта характеристика северокавказских регионов. Вместе с тем фактор территориальности нередко игнорируется не только в исследованиях, но и в реальной политической практике. Когда речь заходит о конфликтогенности политических отношений, на первый план выходят социальные, экономические и культурно-исторические факторы. Они действительно более объемны по своему содержанию и силе воздействия, чем территориальность. Авторы обращают внимание на то, что в дагестанской действительности территориальность выступает в качестве связующего звена в генезе конфликтности. На местном уровне в тугой узел затягиваются разнородные противоречия социального, экономического и культурно-исторического характера. Руководствуясь принципами социокультурного подхода и опираясь на широкую трактовку этнотерриториального конфликта, авторы показывают значимость фактора территориальности не только для поземельных отношений в этнитегах и на их границах, но и в целом для содержательного наполнения региональной политики в Дагестане. В статье дана ретроспектива основных этапов формирования и воспроизводства этнотерриториальных сообществ. На некоторых примерах этнотерриториальных конфликтов последних лет показана опасность недооценки фактора территориальности в процессе управления локальными конфликтами. Авторы приходят к выводу о необходимости

выработки научно обоснованной федеральной политики регионального развития Северного Кавказа, в которой территориальность понимается как узловой элемент государственного управления.

Ключевые слова: территориальность, регион, политический процесс, Дагестан, этнотерриториальный конфликт, политико-территориальная фрагментация

Для цитирования: Тарасов И.Н., Абдуллаев А.А. Территориальный фактор конфликтогенности политических отношений в Республике Дагестан // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3. С. 102–113. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-102-113

Territorial factor of conflict-geneity of political relations in the Republic of Dagestan

Ilya N. Tarasov

*Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia, I.Tarasov@kantiana.ru*

Abas A. Abdullayev

*Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia, abas82@yandex.ru*

Abstract. The article is concerned with a seemingly unnoticeable phenomenon of the regional political process in the Republic of Dagestan: territoriality. It would seem, that Russian and foreign researchers are aware of that characteristic of the North Caucasus regions. However, the factor of territoriality is often ignored not only in research, but also in real political practice. When it comes to the conflict-geneity of political relations, social, economic, and cultural-historical factors come to the fore. They are indeed more voluminous in their content and impact than territoriality. The authors draw attention to the fact that in the Dagestan reality territoriality is a link in the genesis of conflict. At the local level, diverse contradictions of a social, economic, and cultural-historical nature are tightly knotted. Guided by the principles of social-cultural approach and based on a broad interpretation of ethnoterritorial conflict, the authors show the importance of the territoriality factor not only for land relations in local ethnic territory and on their borders, but also for the content of regional policy in Dagestan in general. The article provides a retrospective of the main stages in the formation and reproduction of ethnoterritorial communities. Some cases of ethnoterritorial conflicts in recent years demonstrate the danger of underestimating the territoriality factor in local conflict management. The authors conclude that a scientifically substantiated federal policy of regional development in the North

Caucasus must be developed, in which territoriality is understood as a central element of the state governance.

Keywords: territoriality, region, political process, Dagestan, ethnoterritorial conflict, political-territorial fragmentation

For citation: Tarasov, I.N. and Abdullaev, A.A. (2022), "Territorial factor of conflict-geneity of political relations in the Republic of Dagestan", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no 3, pp. 102–113, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-102-113

Постановка проблемы

Замедление темпов глобализации, наблюдаемое последние несколько лет, характеризуется мировым промышленным перепроизводством, ограничениями в международной торговле, склонностью национальных правительств к протекционизму, а также сохранением угрозы массового прогрессивного распространения инфекционных заболеваний, что ведет к усилению поляризации территориальных интересов. Среди прогнозируемых последствий этого тренда – укрепление контроля над подчиненными территориями, усиление ограничений их автономии, проявление экспансионизма.

С точки зрения политической географии и регионалистики наиболее общим понятием, сохраняющим за собой объяснительный потенциал, выступает «территориальность». Сформулированное в рамках прикладной зоологии за последние 100 лет понятие заняло свое место в социогуманитарных науках, прибавляя к биологическим спецификациям социологические и политологические измерения этого феномена.

Наряду с центр-периферийной концепцией территориальность выступает важным компонентом объяснения неравномерности социально-политического развития регионов и возможных последствий с точки зрения их модернизации. По мнению профессора А.И. Трейвиша, различия между центром и периферией – самый простой в понимании и мощный по воздействию импульс территориального неравенства [Трейвиш 2001]. В странах Запада за последние 35–40 лет неравномерное развитие территорий сглаживалось привилегированным статусом в международном разделении труда. В то же время в обществах периферийного капитализма по-прежнему «слабые квазигосударства легко сводятся к роли местных полицейских участков, обеспечивающих ту долю порядка, которая требуется для ведения бизнеса» [Бауман 2002, с. 429]. Это может инициировать как «территориально-политическую фрагментацию

государственных образований», так и их централизацию [Родионова 2009; Удалов, Колобов 2011]. Как указывает А.Ю. Завалишин, и в том, и в другом случае речь идет о трансформации территориальных социумов или социально-территориальных общин, что вызывает рост политической конфликтогенности на региональном уровне [Завалишин 2009, с. 153–154]. Очевидно, что попытки волюнтаристски перестроить любой функциональный уровень региональной организации «порождает неравенство социального положения его субъектов как вещественного (экономические и прочие блага и преимущества), так и позиционного характера (место в структуре власти, возможности обеспечения доминирования той или иной системы интересов и ценностей)» [Лубский 2009, с. 43].

Цель нашей работы – выявление значимости территориального фактора в политических отношениях внутри Дагестана. Территориальность – одна из важных для региона характеристик, во многом влияющая на генезис политической конфликтности. В качестве рабочей гипотезы мы выдвигаем предположение о том, что, несмотря на существенные различия по уровню социально-экономического развития, модернизации, урбанизации, индустриализации и этнокультурного фундамента в разных частях субъекта федерации (Северный, Центральный, Нагорный и Южный Дагестан), территориальные противоречия (особенно в сфере поземельных отношений) определяют содержание политических отношений на местном (реже – на региональном) уровне. В особенности наше внимание привлечено к ареалам схождения интересов разных этнотерриториальных групп.

К числу наиболее опасных сценариев развития региональной политической конфликтогенности следует отнести развертывание этнотерриториального конфликта. Его мы понимаем в широком смысле, придерживаясь позиции, что «любое притязание на территорию уже есть конфликт, если он отвергается другой стороной-участницей спора» [Стрелецкий 1997, с. 225]. С позиции применяемого нами социокультурного подхода предметом исследования выступают особенности социальной структуры, национальной психологии и традиций сторон конфликта, где важны временная протяженность и фазы развития конфликта, без которых невозможно сформировать адекватное представление о его генезе.

Анализ региональной ситуации

Россия, будучи территориально обширным и этнически неоднородным государством, в той или иной степени испытывает

на себе влияние вышеперечисленных обстоятельств. В частности, анализ российской политической практики подтверждает тезис о несопоставимости влияния элит и общества в качестве акторов политического процесса [Шестопап 2016]. Все же, события в Шиесе (2018–2020), близ горы Куштау (2020 г.) или в Ингушетии (2012, 2018–2019) продемонстрировали, что территориальные сообщества способны к стихийной самоорганизации. В ингушском случае отличия от других регионов страны просматриваются довольно ясно и видятся в большей плотности «социальных связей, в механизмах солидарности, способных охватить заметные слои местных жителей, вывести их на публичные акции. Эта солидарность может работать на защиту прав жителей, а может – на защиту клановых лидеров»¹.

Оценивая обстоятельства территориального спора между Чеченской Республикой и Ингушетией в 2012 г. и в 2018–2019 гг., В.А. Авксентьев полагает, что конфликт показал реальную возможность деэскалации до тех пор, пока в него не вовлечены массы [Авксентьев 2018]. Более обширные исследования на эту тему по Дагестану, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Ставрополью дают иную оценку данной корреляции. В частности, находит подтверждение тезис о том, что политическая борьба внутри кавказских сельских сообществ перерастает в масштабный и зачастую кровавый конфликт преимущественно после того, как происходит вмешательство извне [Салгириев 2015; Атаева, Пак 2018; Ерохин, Воробьев, Авдеев 2019].

Сегодня в регионах Северного Кавказа государственные институты и крупный бизнес обладают наибольшим потенциалом по активному влиянию на ту или иную конфликтную ситуацию, в том числе и вопросах ее полноценного, всестороннего информационного сопровождения. Однако на практике зачастую заинтересованные стороны используют СМИ «для оказания информационного давления на соперника, дезинформации, манипулирования, дискредитации и формирования позитивного или негативного образа как самого конфликта, так и любого из его участников» [Кинаш 2017, с. 65]. Подобные приемы нередко приводят как к делегитимации доводов соперника, так и к расширению повестки конфликта, а отнюдь не к его рационализации.

Так, отстаивая свою позицию в отношении установки дорожного знака (знак 6.9.2 – Предварительный указатель направления,

¹ *Казенин К.* Кавказские кланы переживают упадок: Что это означает для Кремля? URL: <http://2017.vybor-naroda.org/stovyborah/104576-kavkazskie-klany-perezvivayut-upadok-chto-eto-oznachaet-dlya-kremlya.html> (дата обращения 10 мая 2022).

с текстом: «ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА Шелковской р-н») на окраине дагестанского Кизляра летом 2019 г., власти Чечни дополнительно артикулировали претензию о затягивании восстановления Ауховского района Дагестана². Такие ситуации представляют опасность не только из-за дефицита публичности и неопределенности позиции институтов государственной власти федерального уровня, но и из-за игнорирования голоса местных сообществ³. В таком случае рядовая административно-территориальная проблема политизируется, а как показали события осени 2018 г. в Кабардино-Балкарии, историческая память в условиях политизированной этничности может выступить конфликтогенным фактором [Авксентьев 2018].

В Дагестане, наиболее крупном по площади и численности населения регионе Северо-Кавказского федерального округа с большим этническим многообразием территориальных сообществ, указанная нами проблема ощущается весьма остро. Несмотря на проводимые в советский период модернизационные преобразования, сохраняется исторически сложившаяся этническая гомогенность на значительной части внутренних территорий региона. Постоянные действия местных властей по изменению административного и/или хозяйственного, и/или языкового статуса той или иной территории, а также несбалансированная кадровая политика поддерживают межэтническую напряженность в той или иной степени на всех уровнях социального взаимодействия, регулярно выводя эти проблемы в разряд политических. В республике по-прежнему крепки политические позиции локальных этнитетов.

В новейшей истории республики характер взаимодействия территориальных сообществ с региональными политическими структурами разного уровня не был единообразным и менялся под воздействием ряда факторов.

В 1990-х гг. воздействие этнической территориальности на региональный политический процесс получило мощный импульс. На начальном этапе политической институционализации (первая половина 1990-х гг.) активное политическое участие этнотерриториальных групп воспринималось исключительно как способ легитимации формировавшихся в тот период политических структур. И зачастую институты, формально претендовавшие

² Магомедов Р. Перешли границу дозволенного... // Черновик. 2019. 14 июня.

³ Меламедов А., Сагитов Г. Колья конфликта: Бездействие дагестанских властей может спровоцировать массовые беспорядки // Новое дело. 2020. 20 июня.

на представительство интересов территориальных социумов, либо никогда не имели полноценного мандата на это (Съезды народов Дагестана)⁴, либо, декларируя такую функцию в период институциональных кризисов 1991 г. и 1993 г. (Госссовет, Народное собрание), уже к концу 1990-х гг. вернулись к прежнему номенклатурному формату распределения власти в регионе [Абдуллаев 2021].

Внесение ряда институциональных изменений в 2000-х гг. значительно ограничило всевластие этнономенклатуры в регионе, что заметно сократило возможности политического участия территориальных сообществ на региональном уровне, но сохранило такие возможности на уровне муниципалитетов. Институт местного самоуправления в тот период выступал фактором усиления территориально-политической фрагментации региона. Межэтнические противоречия и конфликты становились значимой (но не первостепенной) частью политической повестки, которая в большей степени реагировала на динамику внерегиональной конъюнктуры.

Так, окончание контртеррористической операции в Чеченской Республике (апрель 2009 г.) оказало влияние на завершение политического цикла в Дагестане (2010), и в других северокавказских регионах. В тот период по всему Северному Кавказу наблюдался рост числа разноименных национальных съездов, национально-культурных автономий и тому подобных образований⁵. Вместе с тем наиболее значимым фактором политико-территориальной фрагментации региона в тот период выступила деструкция государственной собственности на землю в рамках аграрной реформы.

Потенциал оппозиционных групп интересов, прежде несопоставимый с возможностями властных групп, получал в формате муниципальных «автономий» шанс консолидированного участия в избирательных кампаниях различного уровня⁶. В частности, активизировался так называемый Северный альянс – наиболее известное неформальное политическое объединение в регионе, получившее наименование по территориальному признаку, которое внесло значимый вклад в избрание главой Дагестана М.Г. Алиева в 2006 г. С приходом крупного капитала в регион и государственного

⁴ *Саркаров А.* Съезды народов Дагестана: декларируется одно, проводится другое. URL: <https://riaderbent-ru.turbopages.org/riaderbent.ru/s/sezdy-narodov-dagestana-deklariruyetsya-odno-provoditsya-druhoe.html> (дата обращения 10 мая 2022).

⁵ *Шахбанова Т., Пинатова М.* Национальное возбуждение Дагестана // *Мой Дагестан.* 2012. 26 окт.

⁶ *Иутенков А.* Когда вдруг прилетит вертолет // *Совершенно секретно.* 2016. 18 янв.

рейдерства в середине 2000-х гг. конфликты с территориальными сообществами вышли на новый уровень [Винокур, Мугатарова 2015].

Необходимо отметить, что с установлением Россией существенных ограничений продовольственного импорта (2014) сельское хозяйство стало превращаться в более привлекательный объект для рейдерства в республике. В то время скоротечное и практически тотальное свертывание промышленного производства в традиционно аграрном Дагестане привело к негативным социальным последствиям раньше, чем в остальных регионах Северного Кавказа.

Нами были изучены случаи поземельных споров, описанные в региональных периодических изданиях «Новое дело» и «Черновик» за период с 2015 по 2021 г. В силу включенности политических структур различного уровня в процесс перераспределения земельного фонда региона, масштабности этнических территорий, вовлеченных в него, объемности ресурсов, используемых в ходе его развертывания, такие споры свидетельствуют о высоком конфликтогенном потенциале поземельных отношений в Дагестане. Последствия для этнических территорий варьируются от латифундизации до фрагментации с целью изменения их функционала в пользу отраслевого или иного корпоративного интереса. Эксплуатация земель зачастую осуществляется в форме долгосрочной аренды, что предопределяет ведение бизнеса с сугубо потребительских позиций и не требует привлечения больших трудовых ресурсов, новых технологий, соблюдения требований экологической безопасности.

Отметим, что упразднение Госсовета и формирование Заксобрания по партийным спискам в свое время лишь усилили конфликтогенность на местах. Формально выборный характер формирования региональной legislatures требовал сохранения этнотерриториальной повестки для защиты как уже контролируемых этнических территорий, так и перспективных для экспансии. В свое время значимость территориальных интересов была подчеркнута и учтена в процессе постконфликтного урегулирования в Чечне, в том числе при решении вопросов формирования органов государственной власти [Жамалдаев, Тарасов 2006].

Логическим завершением процесса централизации должны были стать всенародные выборы главы региона, однако федеральный центр, как известно, отказался от этой идеи. Последовавшие меры репрессивного характера, конкурсные комиссии, региональные полпредства, практические полное упразднение института этнического квотирования – все эти изменения значительно ослабили политические возможности территориальных сообществ.

Заключение

Наиболее важным итогом политических изменений последнего десятилетия стало существенное нарушение этнополитического баланса в пользу наиболее крупной по численности территориальной общности региона. Попытка эксплуатировать этнический ресурс для создания лояльных структур на местах зачастую приводит к открытому противостоянию. Вариативность алгоритмов развития конфликтов коррелирует как со степенью этнической гомогенности территориальных сообществ, так и со спецификой генезиса того или иного конфликта. К примеру, если в Буйнакске в 2016 г. удалось направить конфликтующие этнитеты к разрешению противоречий при непосредственном участии административных и судебных органов, то в 2017 г. в Кумторкалинском и Ногайском районах попытка этнического большинства в одностороннем порядке определить руководство этих муниципалитетов привела к массовым акциям протеста.

Фактически администрация В.А. Васильева была первой в новейшей истории Дагестана, не представлявшей напрямую интересы того или иного территориального сообщества региона. Одной из последних по времени иллюстраций нивелирования этнотерриториального фактора в региональной повестке является переход соборной мечети Кизляра под юрисдикцию Духовного управления мусульман России (2021). Можно ли говорить об упадке прежних кланово-клиентельных структур с опорой на широкие общественные массы в региональном политическом процессе?

Очевидно, что территориальные проблемы в Дагестане остаются важным компонентом региональной политической конфликтности, так как противоречия, накопленные за длительный период, не только не разрешаются хотя бы частично, а наоборот, усугубляются нередко по причине игнорирования властями проблем этнических территориальных общностей, переноса внимания на текущие вопросы политической повестки. Формирование и воспроизводство этнотерриториальных сообществ в республике продолжается, хотя и замедлилось. Существенное противодействие фрагментации регионального политического пространства могла бы оказать федеральная политика регионального развития Северного Кавказа, которая проявляет себя крайне избирательно. Одним из мощных триггеров конфликтности остаются неурегулированные проблемы поземельных отношений, на которые накладываются накапливающиеся этнополитические противоречия. В ситуации хрупкой социально-политической стабильности (разве что стабильно неудовлетворительного состояния дел в региональной экономике и социальной сфере) территориальность, которая,

как правило, является далеко не первостепенным фактором, в нынешнем Дагестане становится все более значимой характеристикой общественных размежеваний.

Литература

- Абдуллаев 2021 – *Абдуллаев А.А.* Внутренняя миграция как фактор регионального политического процесса в Республике Дагестан: Автореф. дис. ... канд. пол. лит. наук. Калининград, 2021. 24 с.
- Авксентьев 2018 – *Авксентьев В.А.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе: стабилизация, факторы, риски // *Национализм: состояние, проблемы, перспективы: Материалы Всеросс. науч. конф.*, Москва, 30 ноября 2018 г. / Отв. ред. М.А. Омаров. М.: РГГУ, 2018. С. 131–140.
- Атаева, Пак 2018 – *Атаева Ф.А., Пак Л.Е.* Специфика и особенности этнополитической ситуации в регионах Северного Кавказа // *European Social Science Journal*. 2018. № 10. С. 520–525.
- Бауман 2002 – *Бауман З.* Национальное государство: Что дальше? // *Отечеств. зап.* 2002. № 6. С. 419–435.
- Винокур, Мугатарова 2015 – *Винокур И.Р., Мугатарова А.А.* Рейдерство в России: проблемы и пути решения // *Проблемы современной экономики*. 2015. № 3 (55). С. 161–166.
- Ерохин, Воробьев, Авдеев 2019 – *Ерохин А.М., Воробьев С.М., Авдеев Е.А.* Конфликтогенный потенциал этнополитических процессов на Северном Кавказе // *Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. Сер.: «История и право»*. 2019. Т. 9. № 5. С. 123–133.
- Жамалдаев, Тарасов 2006 – *Жамалдаев Ш.В., Тарасов И.Н.* Роль парламента в демократизации политической системы // *Власть*. 2006. № 3. С. 51–57.
- Завалишин 2009 – *Завалишин А.Ю.* Социально-территориальная общность как пространство социального действия // *Вестник ТОГУ*. 2009. № 1(12). С. 145–154.
- Кинаш 2017 – *Кинаш Ю.С.* Фактор информационных влияний в политических конфликтах // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12 «Политические науки»*. 2017. № 4. С. 64–67.
- Лубский 2009 – *Лубский А.В.* Юг России: методологические проблемы локально-цивилизационного исследования // *Гуманитарный ежегодник: Сб. ст. / Отв. ред. Ю.Г. Волков. М.; Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2009. С. 42–51.*
- Родионова 2009 – *Родионова О.В.* Территориальность государства в контексте глобализации // *Вестн. РГГУ. Сер. «Экономика. Управление. Право»*. 2009. № 11. С. 15–19.
- Салгириев 2015 – *Салгириев А.Р.* Политические элиты в контексте этнополитических процессов на Северном Кавказе // *Центральная Азия и Кавказ*. 2015. Т. 18. № 3–4. С. 28–35.

- Стрелецкий 1997 – *Стрелецкий В.Н.* Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М. Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. М.: Моск. центр Карнеги, 1997. С. 225–249.
- Трейвиш 2001 – *Трейвиш А.И.* Региональное развитие и регионализация России: специфика, дилеммы и циклы // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы / Науч. ред. А.И. Трейвиш, С.С. Артоболевский. М.: УРСС, 2001. С 39–67.
- Удалов, Колобов 2011 – *Удалов В.С., Колобов О.А.* Система «центр – периферия» в современном политическом процессе // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 2(1). С. 297–301.
- Шестопал 2016 – *Шестопал Е.Б.* Элиты и общество как политические акторы постсоветской России // Социолог. исслед. 2016. № 5. С. 35–43.

References

- Abdullaev, A.A. (2021), *Vnutrennyaya migratsiya kak faktor regional'nogo politicheskogo processa v Respublike Dagestan* [Internal migration as a factor in the regional political process in the Republic of Dagestan], Abstract of Ph.D. dissertation (Political Sciences), Kaliningrad, Russia.
- Ataeva, F.A. and Pak, L.E. (2018), “Specifics and characteristics of the ethno-political situation in the regions of the North Caucasus”, *European Social Science Journal*, no. 10, pp. 520–525.
- Avksent'ev, V.A. (2018), “Ethno-political processes in the North Caucasus. Stabilization, factors, risks”, in Omarov, M.A. (ed.), *Naciestroitel'stvo: sostojanie, problemy, perspektivy. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 30 noyabrya 2018 goda* [Nation-building. State, issues, prospects. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Moscow, November 30, 2018], RGGU, Moscow, Russia, pp. 131–140.
- Bauman, Z. (2002), “Nation-state. What's next?”, *Otechestvennye zapiski*, no. 6, pp. 419–435.
- Erokhin, A.M., Vorob'ev, S.M. and Avdeev, E.A. (2019), “Conflictogenic potential of ethno-political processes in the North Caucasus”, *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo*, vol. 9, no. 5, pp. 123–133.
- Kinash, Yu.S. (2017), “The factor of the information influences in political conflicts”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, no. 4, pp. 64–67.
- Lubskii, A.V. (2009), “South of Russia. Methodological issues of local civilizational research”, in Volkov, Yu.G. (ed.), *Gumanitarnyi ezhegodnik. Sbornik statei* [The Humanities Yearbook. Digest of articles], Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, Moscow, Rostov-on-don, Russia, pp. 42–51.
- Rodionova, O.V. (2009), “Territoriality of the state in the context of globalization”, *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 11, pp. 15–19.

- Salgiriev, A.R. (2015), "Political elites in the context of ethno-political processes in the North Caucasus", *Central'naya Aziya i Kavkaz*, vol. 18, no. 3–4, pp. 28–35.
- Shestopal, E.B. (2016), "Elites and society as political actors of post-Soviet Russia", *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 35–43.
- Streleckii, V.N. (1997), "Ethnoterritorial conflicts. Essence, genesis, types", in Olcott, M., Tishkova, V. and Malashenko, A. (eds.) *Identichnost' i konflikt v postsovetskikh gosudarstvakh* [Identity and conflict in the post-Soviet states], Moskovskii tsentr Karnegi, Moscow, Russia, pp. 225–249.
- Treivish, A.I. (2001), "Regional development and regionalization of Russia. Specifics, dilemmas and cycles", in Treivish, A.I. and Artobolevskii, S.S. (eds.), *Regionalizatsiya v razvitiit Rossii: geograficheskie processy i problemy* [Regionalization in Russia's development. Geographical processes and issues], URSS, Moscow, Russia, pp. 39–67.
- Udalov, V.C. and Kolobov, O.A. (2011), "The 'center-periphery' system in the modern political process", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, vol. 1, no. 2, pp. 297–301.
- Vinokur, I.R. and Mugatarova, A.A. (2015), "Raiding in Russia. Issues and solutions", *Problemy sovremennoi jekonomiki*, vol. 55, no. 3, pp. 161–166.
- Zavalishin, A.Yu. (2009), "Social-territorial community as a space of social action", *Vestnik TOGU*, vol. 12, no. 1, pp. 145–154.
- Zhamaldaev, Sh.V. and Tarasov, I.N. (2006), "The role of parliament in the democratization of the political system", *Vlast'*, no. 3, pp. 51–57.

Информация об авторах

Илья Н. Тарасов, доктор политических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, д. 14; ITarasov@kantiana.ru

Абас А. Абдуллаев, кандидат политических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, д. 14; abas82@yandex.ru

Information about the authors

Ilya N. Tarasov, Dr. of Sci. (Political Science), Immanuel Kant Baltic Federal University; Kaliningrad, Russia; bld. 14, A. Nevsky St., Kaliningrad, Russia, 236016; ITarasov@kantiana.ru

Abas A. Abdullaev, Cand. of Sci. (Political Science), Immanuel Kant Baltic Federal University; Kaliningrad, Russia; bld. 14, A. Nevsky St., Kaliningrad, Russia, 236016; abas82@yandex.ru